

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

RAR
УДК 008
ББК 71
DOI 10.34685/HI.2026.54.3.003

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА (ЧАСТЬ ПЕРВАЯ)

Катасонов Владимир Николаевич,
доктор философских наук, доктор богословия,
профессор, Общецерковная аспирантура и докторантура
имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия,
ул. Пятницкая, 4 / 2с1, Москва, Россия, 115035,
vladimir15k@mail.ru

Аннотация

В статье обсуждаются философские и богословские аспекты концепции культуры К. Н. Леонтьева. Раскрываются основные моменты фундаментальных для философа концепций развития и византизма. Обсуждается применение теории византизма к истории России и славянства.

Ключевые слова

К. Н. Леонтьев, развитие, византизм, славянство и славизм, «розовое христианство», церковность и христианство.

Константин Николаевич Леонтьев считается представителем позднего славянофильства. Однако, его отношения со старшими славянофилами А.С. Хомяковым и И.В. Киреевским были совсем не простыми, также, как и с другим последователем славянофилов в 70 годы Н.Я. Данилевским. На новом этапе осмысления пути России Леонтьеву выпала возможность более трезво взглянуть на природу русской культуры и исто-

рии, на взаимоотношение России и Западной Европы, на соотношение культуры и христианства, чем во многом ещё отмеченные романтизмом взгляды основателей традиции славянофильства. Во взглядах Леонтьева отразился его большой и глубокий жизненный опыт. Он был участником Крымской войны 1853 года, врачом, дипломатом, непосредственно знакомым с жизнью Турции, Крита, Греции, Западной Европы, работал журна-

листом, шесть лет прослужил в должности цензора, и наконец, был очень плодовитым писателем, современное собрание его сочинений и писем насчитывает 12 томов¹. В данной статье мы разбирает взгляды Леонтьева, касающиеся только его концепции философии и богословия культуры.

Писать о Константине Николаевиче Леонтьеве одновременно просто и сложно. Просто, потому что проста сама его схема развития. В своей принципиальной работе «Византизм и славянство» он следующим образом определяет основные этапы любого развития:

«Триединый процесс: 1) первоначальной простоты, 2) цветущего объединения и сложности и 3) вторичного смесительного упрощения, свойствен точно так же, как и всему существующему, и жизни человеческих обществ, государствам и целым культурным мирам»².

А сложно, потому что он демонстрирует справедливость этой схемы на множестве примеров из биологии, медицины, истории, истории искусства, философии, политики, проявляя при этом очень широкую и глубокую эрудицию. И поэтому писать о нём без приведения больших цитат практически невозможно.

Органический подход к культуре

Леонтьев развивал в своей философии *органический* подход, т.е. понимание любого развития по аналогии с изменениями живых организмов. Надо сказать, что подобное понимание было популярно и в предыдущую эпоху, в частности у старших славянофилов А.С. Хомякова и И.В. Киреевского. И в особенности у Н.Я. Данилевского, своего старшего современника, учеником которого считал себя Константин Николаевич³. Однако, Леонтьев очень далеко продвигает эту аналогию раз-

вития, обращая внимание на многие специальные особенности биологических изменений, включая и процесс разложения, процесс смерти. «Присматриваясь ближе к явлениям органической жизни, из наблюдений которой именно и взялась эта идея развития, мы видим, что процесс развития в этой органической жизни значит вот что: *постепенное восхождение от простейшего к сложнейшему, постепенная индивидуализация, обособление, с одной стороны, от окружающего мира, а с другой — от сходных и родственных организмов, от всех сходных и родственных явлений*. Постепенный ход от бесцветности, от простоты к оригинальности и сложности. Постепенное осложнение элементов составных, увеличение богатства внутреннего и в то же время постепенное укрепление единства. Так что высшая точка развития не только в органических телах, но и вообще в органических явлениях, *есть высшая степень сложности, объединённая неким внутренним деспотическим единством*» [здесь и далее курсив Леонтьева — В. К.]⁴.

Если же дело идёт об умирании организма, то здесь мы наблюдаем повсеместное упрощение, ослабление внешней скрепы формы, возрастания однородности и в конце концов смешение составных частей, распадение и разложение: «При всех этих процессах гниения, горения, таяния, холерного поступательного движения заметны одни и те же общие явления. А) Утрата особенностей, отличавших дотоле деспотически сформированное целое дерево, животное, целую ткань, целый кристалл и т.д. от всего *подобного и соседнего*. Б) Большее против прежнего *сходство составных частей, большее внутреннее равенство*, большее однообразие состава и т.п. В) Утрата прежних строгих морфологических очертаний: всё сливается, всё *свободнее и ровнее*»⁵.

Любопытно то, что подобная схема развития и умирания справедлива по Леонтьеву в отношении собственно всей Вселенной вообще. «При дальнейшем размышлении мы видим, что этот триединый процесс свойствен не только тому миру, который зовётся собственно органическим, но, может быть, и всему существующему в пространстве и времени. Может быть, он свойствен и небесным телам, и истории развития их

1 Подробности биографии К. Н. Леонтьева можно посмотреть в издании: К. Н. Леонтьев. Pro et contra. Антология. Книга 1 и 2. Из-во РХГА. Санкт-Петербург, 1995.

2 Византизм и славянство. С.75 // Леонтьев К. Н. Избранное. Из-во «Рарог. Московский рабочий», М., 1993. С. 3–118.

3 Леонтьев, который считается продолжателем традиции славянофильства, тем не менее, критиковал и старших славянофилов за «либерализм», за недостаток внимания к сословной структуре общества, и Данилевского за то, что он не понял фундаментального значения религиозного фактора в своей теории культурно-исторических типов (См. например: Славянофильство теории и славянофильство жизни // Леонтьев К.Н. Избранное. Из-во «Рарог. Московский рабочий», М., 1993. С. 292–298).

4 Цит.соч., С. 69.

5 Цит.соч., С. 76–77.

минеральной коры, и характерам человеческим; он ясен в ходе развития искусств, школ живописи, музыкальных и архитектурных стилей, в философских системах, в истории религий и, наконец, в жизни племён, государственных организмов и целых культурных миров»⁶.

Так, Леонтьев говорит об истории искусства: «Мы заметим то же и в истории искусств: а) период первоначальной простоты: циклопические постройки, конусообразные могилы этрусков (послужившие, вероятно, исходным образцом для куполов и вообще для круглых линий развитой римской архитектуры), избы русских крестьян, дорический орден и т.д., эпические песни первобытных племён; музыка диких, первоначальная иконопись, лубочные картины и т.д.; б) период цветущей сложности: Парфенон, храм Эфесской Дианы (в котором даже на колоннах были изваяния), Страсбургский, Реймский, Миланский соборы, св. Петра, св. Марка, римские великие здания, Софокл, Шекспир, Данте, Байрон, Рафаэль, Микеланджело и т.д.; в) период смешения, перехода во вторичное упрощение, упадка, замены другим: все здания переходных эпох, романский стиль (до начала готического и от падения римского), все нынешние утилитарные постройки, казармы, больницы, училища, станции железных дорог и т.д. В архитектуре единство есть то, что зовут стилем. В цветущие эпохи постройки разнообразны в пределах стиля; нет ни эклектического смешения, ни бездарной старческой простоты. В поэзии то же: Софокл, Эсхил и Еврипид — всё одного стиля; впоследствии всё, с одной стороны, смешивается эклектически и холодно, понижается и падает»⁷.

Аналогично применяется эта схема к философии: «В истории философии то же: а) первобытная простота: простые изречения народной мудрости, простые начальные системы (Фалес и т.п.); б) цветущая сложность: Сократ, Платон, стоики, эпикурейцы, Пифагор, Спиноза, Лейбниц, Декарт, Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель; в) вторичное упрощение, смешение и исчезновение, переход в совершенно иное: эклектики, безличные *смесители* всех времён (Кузен); потом реализм феноменальный, отвергающий отвлечённую философию, метафизику: материалисты, деисты, атеисты. Реализм *очень*

прост, ибо он даже и не система, а только метод, способ: он есть *смерть* предыдущих систем <...> Реализм отвергает всякую систему, всякую метафизику; реализм есть отчаяние, самооскопление, вот почему он упрощение!»⁸

Византизм

Но главным фокусом его книги «Византизм и славянство» является применение этой схемы к государству и политике. Прежде чем говорить об этом, необходимо напомнить, как Леонтьев определяет понятие формы, и какой смысл имеет это определение в философии политики. Различая во всём сущем материю и форму, философ характеризует последнюю следующим образом: «Форма есть деспотизм внутренней идеи, не дающий материи разбегаться. Разрывая узы этого естественного деспотизма, явление гибнет. Шарообразная или эллиптическая форма, которую принимает жидкость при некоторых условиях, есть форма, есть деспотизм внутренней идеи. Кристаллизация есть деспотизм внутренней идеи. Одно вещество должно, при известных условиях, оставаясь само собою, кристаллизироваться призмами, другое октаэдрами и т.п.»⁹

В случае истории такой формой существования общества является государство. Согласно Леонтьеву, любое ослабление государства, всякого рода эгалитарно-либеральные процессы представляют ослабление этой формы существования общества, и тем самым источником и выражением его деградации. Эгалитарно-либеральный процесс Леонтьев сравнивает с явлениями горения, гниения, таяния льда, развитием холерного процесса, короче, с процессом разложения. Причём разложением не только государства, но и культуры народов, и самой народной жизни. Настаивая на объективности и научности своего подхода к культурной жизни народов и государств, Леонтьев постоянно противопоставляет свою точку зрения точке зрения народничества, и всякого рода социологиям сочувствия народу, сочувствия страданиям широких масс, столь популярным в культуре России шестидесятых-семидесятых годов. «А страдания? Страдания сопровождают одинаково и процесс роста и развития, и процесс разложения. Всё болит у древа жизни людской... Болит начальное прозябание зерна. Болят первые

6 Цит.соч., С. 73.

7 Цит.соч., С. 73.

8 Цит.соч., С. 74.

9 Цит.соч., С. 75.

всходы, болит рост стебля и ствола; развитие листьев и распускание пышных цветов (аристократии и искусства) сопровождаются стонами и слезами. Болят одинаково эгалитарный быстрый процесс гниения и процесс медленного высыхания, застоя, нередко предшествующий эгалитарному процессу»¹⁰.

Выступая, как-бы своеобразным русским вариантом Ницше¹¹ (или, если угодно, может быть лучше сказать на русский манер, Базаровым, — хотя Леонтьев и не раз полемизировал с И. С. Тургеневым¹²), русский философ настаивает на объективности своей социологии, о том, что нет никаких объективных статистических данных для определения, где лучше жить, в монархии ли, ограниченной или не ограниченной, или в эгалитарном государстве. Поскольку ответов на вопросы, где, в каком обществе, при каком государстве человеку жить лучше наука ещё не дала, то тогда, настаивает Леонтьев, лучше понять какая форма существования для данного народа естественней и полезней. А эти формы существования и есть его государственное устройство, и формы эти неслучайны, они связаны с внутренней жизнью этого народа, которая проявлялась в истории, и которая выработала именно такую, а не другую форму его существования. Свою форму существования, например, создали Афины, и это была демократическая республика. Однако, подчёркивает Леонтьев, в отличие от тех либеральных представлений, которые столь распространены были в Европе, Афины были республикой с привилегиями, с эвпатридами¹³, с денежным цензом, с рабами. Своя форма государственного существования наличествовала в цветущий период Рима, а именно та муниципальная избирательная диктатура

с империей, которая так долго дисциплинировала Рим, пишет Леонтьев. Государственная форма, выработанная во Франции, подчёркивает философ, была в высшей степени централизованной, крайне сословной, но самодержавной монархией. Государственность Германии стояла до Наполеона I на идее Союза государств, небольших отдельных сословных, более или менее самодержавных, и с избранным императором. Все эти формы государственности были выработаны исторически, и представляют собой неотменимое свидетельство истории.

Для России такой исторической формой государственного существования был, согласно Леонтьеву, византизм. Как понимает философ византизм? «Представляя себе мысленно византизм, мы, <...> видим перед собою как бы строгий, ясный план обширного и поместительного здания. Мы знаем, например, что византизм в государстве значит — самодержавие. В религии он значит христианство с определёнными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов. В нравственном мире мы знаем, что византийский идеал не имеет того высокого и во многих случаях крайне преувеличенного понятия о земной личности человеческой, которое внесено в историю германской феодализмом; знаем наклонность византийского нравственного идеала к разочарованию во всём земном, в счастье, в устойчивости нашей собственной чистоты, в способности нашей к полному нравственному совершенству здесь, долу. Знаем, что византизм (как и вообще христианство) отвергает всякую надежду на всеобщее благоденствие народов; что он есть сильнейшая антитеза идее всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной всевободы, земного всесовершенства и вседовольства <...> Византийская образованность сменила греко-римскую и предшествовала романо-германской. Воцарение Константина можно считать началом полного торжества византизма (IV век по Р.Х.)»¹⁴.

Конечно, Россия отчасти переработала этот средиземноморский идеал, согласно психологии и географии славянского племени. «Перенесённый на русскую почву, византизм встретил не то, что он находил на берегах Средиземного моря, не племена, усталые от долгой образованности,

10 Цит.соч., С. 78.

11 В. В. Розанов назвал Леонтьева «Ницше прежде Ницше». Но первым о ницшеанстве Леонтьева говорил В. С. Соловьёв: «В своем презрении к чистой этике и в своем культе самоутверждающейся силы и красоты Леонтьев предвосхитил многие мысли Ницше, вдвойне парадоксальные под пером афонского послушника и оптинского монаха» (Соловьёв В. С. Сочинения. В 2 т. 2-е изд. М., 1990. Т. 2. С. 417) (Цит. по книге «К. Н. Леонтьев. Pro et contra...», С. 459).

12 См., например: Письма провинциала к г.Тургеневу // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 томах. Т.9. Из-во «Владимир Даль». Спб., 2014.С. 7-19.

13 Эвпатриды – греческая аристократия времен Афин.

14 Цит.соч., С. 19.

не страны, стеснённые у моря и открытые всяким враждебным набегам... Нет! Он нашёл страну дикую, новую, едва доступную, обширную, он встретил народ простой, свежий, ничего почти не испытывавший, простодушный, прямой в своих верованиях. Вместо избирательного, подвижного, пожизненного диктатора византизм нашёл у нас Великого Князя Московского, патриархально и наследственно управлявшего Русью. В византизме царила одна отвлечённая юридическая идея: на Руси эта идея обрела себе плоть и кровь в царских родах, священных для народа. Родовое монархическое чувство, этот великорусский легитимизм был сперва обращён на дом Рюрика, а потом на дом Романовых»¹⁵.

Византизм глубоко вошёл в жизнь русского народа, в жизнь не только государственную, но и в сам быт народа, в традицию семейной жизни. Леонтьев спорил со славянофилами, которые утверждали, что русский народ очень семейственный народ. Леонтьев настаивал, что чувство семьи у других народов, у германских, у французов, или турок гораздо сильнее. У русских же сама семья держалась на других началах. «Если мы найдём старинную чисто великорусскую семью (т.е. в которой ни отец, ни мать ни немецкой крови, ни греческой, ни даже польской или малороссийской), крепкую и нравственную, то мы увидим, во-первых, что она держится больше всего православием, Церковью, религией, византизмом, заповедью, понятием греха, а не вне религии стоящим и даже переживающим её этическим чувством, принципом отвлечённого долга, одним словом, чувством, не признающим греха и заповеди, с одной стороны, но и не допускающим либерального или эстетического эвдемонизма — с другой, не допускающим той согласной взаимной терпимости, которую так любило дворянство романских стран XVII и XVIII вв.»¹⁶.

Сословная структура русского общества также сильно отличалась от западноевропейского, и опять здесь Леонтьев видит влияние именно византизма. «У нас родовой наследственный царизм был так крепок, что и аристократическое начало у нас приняло под его влиянием служебный, полуродовой, слабородовой, несравненно более государственный, чем лично феодальный,

и уже несколько не муниципальный характер. Известно, что местничество носило в себе глубоко служебный государственный, чиновничий характер. Гордились бояре службой царской своих отцов и дедов, а не древностью самого рода, не своей личностью, не городом, наконец, или замком, с которыми бы сопряжены были их власть и племя»¹⁷.

Византизм в понимании Леонтьева был тем столпом, который держал всю русскую историю, позволил нашей стране преодолеть все трагические вызовы прошлого, и поможет нам в будущем, если мы будем крепко держаться его заветов. «Я хочу сказать, что царизм наш, столь для нас плодотворный и спасительный, окреп под влиянием православия, под влиянием византийских идей, византийской культуры. Византийские идеи и чувства сплотили в одно тело полудикую Русь. Византизм дал нам силу перенести татарский погром и долгое данничество. Византийский образ Спаса осенял на великокняжеском знамени верующие войска Дмитрия на том бранном поле, где мы впервые показали татарам, что Русь Московская уже не прежняя раздробленная, растерзанная Русь! Византизм дал нам всю силу нашу в борьбе с Польшей, со шведами, с Францией и с Турцией. Под его знаменем, если мы будем ему верны, мы, конечно, будем в силах выдержать натиск и целой интернациональной Европы, если бы она, разрушивши у себя всё благородное, осмелилась когда-нибудь и нам предписать гниль и смрад своих новых законов о мелком земном всеблаженстве, о земной радикальной всепошлости!»¹⁸

Византийский дух насквозь пронизывает всю ткань общественной и культурной жизни России. Леонтьев остроумно отмечает, что даже бунты наши имели своеобразный монархический смысл и носили на себе своеобразную печать лжелегитимизма. Так Пугачёв объявлял себя спасшимся Петром III. Степан Разин постоянно подчёркивал, что воюет не против царя Алексея Михайловича, а против «изменников бояр» и согласного с ними духовенства. Этот же мотив мы видим и у декабристов: «Нечто подобное же хотели пустить в ход и наши молодые европейские якобинцы 20-х годов»¹⁹. «Русские самозваннические бунты

15 Цит.соч., С. 27–28.

16 Леонтьев К.Н. Избранное..., С.29–30.

17 Цит.соч., С. 32.

18 Цит.соч., С. 34–35.

19 Цит.соч., С. 36.

наши доказывают только необычайную жизненность и силу нашего родового царизма, столь тесно и неразрывно связанного с византийским православием»²⁰.

Леонтьев был острым и принципиальным критиком популярных социалистических идей, идей «всемирного блага», столь распространённых в России 60–70 годов. Согласно русскому философу, эта идея и была, собственно, одним из главных начал, губящих европейскую культуру, и грозящих погубить культуру России. Леонтьев не щадил сил для того, чтобы показать ложность, ядовитость и губительность этой идеи для России. «Изменяя, даже в тайных помыслах наших, этому византизму, мы погубим Россию. Ибо тайные помыслы, рано или поздно, могут найти себе случай для практического выражения. Увлекаясь то какой-то холодной и обманчивой тенью скучного, презренного всемирного блага, то одними племенными односторонними чувствами, мы можем неисцелимо и преждевременно расстроить организм нашего Царства, могучий, но все-таки же способный, как и все на свете, к болезни и даже разложению, хотя бы и медленному»²¹.

Критика идеологии славянства

Разбираемая нами книга называется «Византизм и славянство». Что же такое славянство²² в понимании Леонтьева? В 1875 г., когда впервые была напечатана работа философа, эта тема была в высшей степени актуальной. Русско-турецкие войны 70-х годов, «Восточный вопрос» в русской политике, славянские съезды, — всё это остро ставило вопрос о принципе единения славянских стран. Представители славянских народов и государств участвовали, в частности, в:

Первом Славянском съезде в Праге, проходившем 2–12 июня 1848 года;

Славянском съезде 1867 года в России (в Санкт-Петербурге, затем в Москве, один из инициаторов созыва — И. С. Аксаков);

Конфиденциальной встрече славянских деятелей 18 мая 1868 года в Праге («тайный» Славянский съезд).

Поэтому совершенно неслучайно Леонтьев, обладавший большим дипломатическим опытом философ и политолог, обратился к этой теме. Но вопреки распространённому оптимизму в отношении единения славян философ имел здесь свою определённую точку зрения. *Культуроцентричная* позиция философа делала его едким критиком чисто *племенного* понимания государства и культуры. «...Племенные чувства и сочувствия кажутся сразу довольно естественными и понятными. Но и в них много необдуманности, модного суеверия и фразы. Что такое племя без системы своих религиозных и государственных идей? За что его любить? За кровь? Но кровь ведь, с одной стороны, ни у кого не чиста, и Бог знает, какую кровь иногда любишь, полагая, что любишь свою, близкую. И что такое чистая кровь? Бесплодие духовное! Все великие нации очень смешанной крови. Язык? Но язык что такое? Язык дорог особенно как выражение родственных и дорогих нам идей и чувств <...> Любить племя за племя — натяжка и ложь. Другое дело, если племя родственное хоть чем-нибудь согласно с нашими особыми идеями, с нашими коренными чувствами. Идея же национальностей в том виде, в каком её ввёл в политику Наполеон III, в её нынешнем модном виде есть не что иное, как тот же *либеральный демократизм*, который давно уже трудится над разрушением великих культурных миров Запада»²³.

Именно в этом духе разбирает Леонтьев тему славянства. В первом же предложении главы «Что такое славизм?» философ сразу же даёт ответ на этот вопрос: «Ответа нет»²⁴. Говоря славизм, Леонтьев имеет в виду определённые духовные и культурные начала, которые бы объединяли всех славян вместе, и спрашивает: есть ли что-то общее у всех славян, помимо чисто генетического происхождения, генетической близости? Сравнивая с другими племенами и культурами, философ настаивает, что славянские племена не могут похвастаться подобным единством. «Скажите: китайизм, китайская культура — всякому более или менее ясно. Скажите: европеизм, и, несмотря на всю сложность западноевропейской истории, есть некоторые черты общие всем эпохам, всем государствам Запада — черты, которых совокупность

20 Цит.соч., С. 37.

21 Цит.соч., С. 40–41.

22 Леонтьев различает славянство, как генетически сходный племенной фактор, и славизм как идеологию славянского объединения.

23 Леонтьев К. Н. Избранное..., С. 41.

24 Цит.соч., С. 42.

может послужить для исторической классификации, для определения, чем именно романо-германская культура, взятая во всецелости, отличалась и отличается теперь от всех других погибших и существующих культур, от японо-китайской, от исламизма, древнеегипетской, халдейской, персидской, эллинской, римской и византийской <...> У каждой из этих частных цивилизаций была одна общая литература, одна государственная форма выяснилась при начале их цветения, одна какая-нибудь религия (католическая или протестантская) была тесно связана с их историческими судьбами; школа живописи, архитектурные стили, музыкальные мелодии, философское направление были у каждой свои, более или менее выработанные, ясные, наглядные, доступные изучению»²⁵.

Для всего же множества славянских племён и государственных объединений Леонтьев не может найти этого культурного «общего знаменателя». «Идея славизма не представляет отвлечения исторического, то есть такого, под которым бы разумелись, как в квинтэссенции, все отличительные признаки, религиозные, юридические, бытовые, художественные, составляющие в совокупности своей полную и живую историческую картину известной культуры»²⁶.

Опираясь на свой богатый дипломатический опыт, Леонтьев подробно обсуждает племенные черты различных славянских народностей. При этом он показывает, что их особенности во многом связаны с восприимчивостью к другим пограничным им культурам. Так, говоря о чехах, философ отмечает то, что чешская культура испытала серьёзнейшее влияние немецкой. Рассуждая о болгарях, Леонтьев пишет, что болгары в определённом смысле были воспитаны греками; однако в сравнении с русскими болгары всегда боролись с духом греческого византизма. Говоря о сербах, Леонтьев отмечает трагическую разделённость этого славянского племени, разделённость религиозную, политическую, историческую. В целом же, говоря об особенностях южнославянских племён, философ подчёркивает

их сильную идейную зависимость от демократических тенденций Западной Европы, которая не позволяет им реализовать идею объединения. «Что же есть у них у всех общего исторического, кроме племени и сходных языков? Общее им всем в наше время — это крайне демократическое устройство общества и очень значительная привычка к конституционной дипломатии, к искусственным агитациям, к заказным демонстрациям и ко всему тому, что происходит ныне из смеси старобританского, личного и корпоративного, свободолюбия с плоской равноправностью, которую выдумали в 89-м году французы, прежде всего на гибель самим себе»²⁷.

Тренд к объединению славян был обусловлен ролью России в европейской политике, которую Леонтьев очень хорошо знал, но этому стремлению, по его мнению, не хватало принципиального содержания. Философ довольно пессимистически смотрит на идею объединения славянства в своём актуальном состоянии и столь неопределённого в своём проекте. Он пишет: «Но кто угадает теперь особую форму этого организованного, проникнутого общими идеями, своими мировыми идеями, славянства? До сих пор мы этих общих и своих всемирно-оригинальных идей, которыми славяне бы отличались резко от других наций и культурных миров, не видим. Мы видим вообще что-то отрицательное, очень сходное с романо-германским, но как-то жиже, слабее все, беднее. Это горько и обидно! Но разве это неправда? Мы видим только общие стремления, отчасти общие племенные интересы и действия, но не видим общих своеобразных идей, стоящих выше племенного чувства, порождённых им, но после вознёсшихся над племенем, для вящего всенародного, ясного руководства и себе, и чужим (человечеству). Славянство есть, и оно численностью очень сильно; славизма нет, или он ещё очень слаб и не ясен. Мне возразят, что племенное чувство славянства, сближая славян письменно и политически между собою, может способствовать выработке этого культурного славизма, этой органической системы своеобразных идей, стоящих вне частных, местных и личных интересов и над ними, но глубоко, тысячами корней, связанных с этими интересами. Я отвечу, что это возможно и даже крайне желательно; ибо вовсе

25 Там же.

26 Там же. Тем самым, Леонтьев спорил Н. Я. Данилевским, которого он считал своим учителем, но который приписывал славянству отдельный культурно-исторический тип, несравнимый с другими.

27 Леонтьев К. Н. Избранное..., С. 65.

нелестно быть тем, чем до сих пор были все славяне, не исключая даже русских и поляков: чем-то среднепропорциональным, отрицательным, во всём уступающим духовно другим, во всем второстепенным»²⁸.

Разрозненный характер славянского племени во многом обусловлен именно отравлением их элит западноевропейскими идеями, связанными с французской революцией, идеями демократии, эгалитаризма, либерализма, подчёркивал Леонтьев. Это стремление каждой части славянского племени тянуть одеяло на себя самого, исходя из суверенитета своего собственного малого племени, не позволяет им объединиться и не позволяет им видеть то, что находится у них всегда перед глазами: основание силы Российского государства в традиции византизма. Это происходит несмотря даже на то, что постоянно славянские проблемы в Европе решаются с помощью русской силы. Именно на этот факт и предлагает обратить серьёзное внимание философ. «Если славяне призваны к чему-либо творческому, положительному, как особый ли мир истории

или только как своеобразная часть европейской цивилизации, и в том, и в другом случае им нужна сила. Сила государственная выпала в удел великороссам. Эту силу великороссы должны хранить, как священный залог истории, не только для себя, но и для всеславянской независимости. Быть может, со временем для пособия самой Европе, против ожидающей её медленной анархии. И таким образом для всего человечества»²⁹.

Список литературы

1. К.Н.Леонтьев. Полное собрание сочинений и писем: в 12 томах. РАН, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). 2000-2017
2. К.Н.Леонтьев. Pro et contra. Антология. Книга 1 и 2. Из-во РХГА. Санкт- Петербург, 1995
3. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. С.75 // Леонтьев К.Н. Избранное. Из-во «Рарог. Московский рабочий», М., 1993. С.3-118
4. Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Париж, 1937

28 Леонтьев К. Н. Избранное..., С. 56.

29 Цит.соч., С. 57.

K.N. LEONTIEV'S PHILOSOPHY OF CULTURE (PART I)

Katasonov Vladimir Nikolaevich,

Doctor of Philosophy, Doctor of Theology,
Professor of the Theological Institute of Post-Graduate and Doctoral Studies
the name of Saints Cyril and Methodius, Equal-to-the-Apostles,
Pyatnitskaya St., 4 / 2c1, Moscow, Russia,
vladimir15k@mail.ru

Abstract

The article discusses the philosophical and theological aspects of K.N. Leontiev's concept of culture. The article reveals the main points of the fundamental concepts of development and Byzantium. The application of the theory of Byzantium to the history of Russia and the Slavs is discussed.

Keywords

K.N. Leontiev, Leontiev's concept of development, Byzantium, Slavism, «pink Christianity», churchliness and Christianity.

References

1. K. N. Leontiev. Complete Works and Letters: in 12 volumes. RAS, Institute of Russian Literature (Pushkin House). 2000–2017.
2. K. N. Leontiev. Pro et contra. Anthology. Books 1 and 2. Publishing House of the Russian Academy of Arts. St. Petersburg, 1995.
3. K. N. Leontiev. Byzantium and Slavdom. P. 75 // K. N. Leontiev. Selected Works. Publishing House "Rarog. Moskovsky Rabochy", Moscow, 1993. Pp. 3–118.
4. Archpriest Georges Florovsky. Paths of Russian Theology. Paris, 1937.

Ссылка для цитирования: **Катасонов, В. Н.** Философия культуры К. Н. Леонтьева (1 часть) / В. Н. Катасонов // Культурное наследие России. — 2026. — № 3. — С. 30–38. — DOI: 10.34685/HI.2026.54.3.003.